

СВЕРХТЕКСТ: ПРОБЛЕМА ЦЕЛОСТНОСТИ, ПРИНЦИПЫ МОДЕЛИРОВАНИЯ

Сверхтекст понимается как ряд отмеченных ассоциативно-смысловой общностью в сферах автора, кода, контекста, адресата автономных текстов, которые в культурной практике актуально или потенциально предстают в качестве целостного словесно-концептуального образования. Сверхтекст подчиняется принципам усматриваемой целостности, «внеаходимости», нелинейности, контекстуальности, смысловой центрации.

A. Loshakov

SUPERTEXT: THE PROBLEM OF INTEGRITY, PRINCIPLES OF MODELLING

Supertext is stipulated as a row of autonomous texts marked by associative and semantic community in the spheres of author, code, context and addressee. In the cultural practice they are actually or potentially represented as a single and unique, word and concept product. Supertext is governed by the principles of the propositioned integrity, “out-beingness”, non-linear nature, contextuality and understandability centration.

Внимание современных исследователей к проблеме *сверхтекста* — некоторому множеству текстов, отличающихся высокой степенью общности, что позволяет рассматривать их как некое целостно-единое словесно-концептуальное («сверхсемантическое») образование, было инициировано известными работами В. Н. Топорова¹, посвященными петербургскому тексту. Сверхтекст истолковывался ученым как такое целостное множество тематически сродственных текстов, в которых преломилась единая, но внутренне антитетичная

телеологическая установка на художественное постижение идеологически противоречивого образа Петербурга. В этой «монолитной» смысловой установке В. Н. Топоров усматривал едва ли ни ведущий фактор создания внутренней «суверенности» сверхтекстового построения, эстетического единства его плана выражения, ибо в непосредственную зависимость от нее он ставил и единый принцип отбора природных и культурных образов, и постоянный набор компонентов и их связей, воспроизводимый состав предикатов, предсказуе-

мый лексико-понятийный словарь, стабильный комплекс лейтмотивов, трагедийное звучание. В качестве важнейших характеристик сверхтекста ученый назвал *кросс-жанровость*, *кросс-темпоральность*, *кросс-персональность*. Значимость, актуальность концепции «петербургского текста» Топорова для теории сверхтекста состоит не только в том, что в ней понятие сверхтекста обрело статус научной реальности, непосредственного предмета научного исследования, но и в том, что она явила образец преодоления, отрицания *абсолютизации* диахронического подхода к изучению литературных текстов, отстоящих друг от друга во времени и пространстве, и тем самым утверждения в качестве равноправного, самостоятельного подхода синхронического, вневременного.

Нельзя не сказать, что о возможности такого подхода, его продуктивности в свое время писали А. Белый, М. М. Бахтин, Л. В. Пумпянский, Г. А. Гуковский и др. Так, охарактеризовав творческий метод Тютчева как «метод циклизации» («параллестический метод»), Л. В. Пумпянский (1927) показал, как в текстах поэта под воздействием тенденции к циклизации проявляются метафизические «тематические гнезда», создающие единую метафизическую поэтическую систему, в которой находит отражение авторская натурфилософская картина мира, более того, единая европейская поэтическая метафизическая система. В таком образом понимаемой поэтической системе Тютчева, по мысли ученого, происходит смысловое взаимодействие («смещение», «наклон слова») тютчевских текстов, образов с актуализируемыми текстами, образами старой антологической культуры, «русской юнговой культуры» (Державин, Бобров и др.), германских романтиков-метафизиков (Новалис, Крейцер и др.), а также (six!) текстами Бодлера, западных символистов и русских декадентов (Брюсов и др.)². Полагаем, что в характеристике ученого метафизической системы Тютчева просматривается взгляд на его

произведения как на единосельный авторский сверхтекст. Безусловный интерес для теории сверхтекста представляют выдвинутые Г. А. Гуковским в 1940-е гг. положения о том, что произведение «растворяется» в групповом единстве иных произведений, поэтому отдельность произведения («мыслимое читателем единство») условна, ибо оно живет только в ряду некоторого ряда других произведений, что «смысловая ткань данного отдельного произведения наполняется и реализуется в свете целого комплекса и единства, объединения произведений – традиции, борьбы, направления, стиля»³. Эти положения позже получили развитие в трудах Ю. М. Лотмана.

Несмотря на широкое признание концепции «петербургского текста» В. Н. Топорова, тем не менее, в силу объективных причин, исследователи-текстоведы в последние тридцать лет более интересовались гипертекстом, нежели сверхтекстом. При этом для обозначения сверхтекста могла использоваться номинация «гипертекст» (наряду с термином «супертекст»)⁴, а для названия гипертекста в качестве его синонима – термин «сверхтекст»⁵. Наличие разных терминов для обозначения одного и того же понятия, как и использование одного и того же термина для называния разных понятий – это не только свидетельство неустоявшейся терминологической практики, но и отражение того, что феномены, стоящие за ними, обладают пересекающимися сферами и предполагают многоаспектное изучение. Из двух конкурирующих сегодня терминов – «гипертекст» и «сверхтекст» – мы отдаем предпочтение второму уже в силу его сопряженности с отечественной традицией интегративных сверхтекстовых единств (В. Н. Топоров, З. Г. Минц, Н. А. Купина, Г. В. Битенская, В. В. Абашев, Н. Е. Меднис, В. М. Амиров и др.). Что касается термина «гипертекст», то он прочно закрепился, во-первых, в сфере компьютерных технологий; во-вторых, в теории генетической критики, в третьих, в постмодернистском дискурсе⁶, где понятие

«гипер» является ключевым⁷. Актуальная соотнесенность термина «гипертекст» с рядом разнородных явлений закономерно приводит к размыванию его понятийных границ.

Качественное расширение сферы объектов гуманитарного знания делает все более и более востребованным как сами понятия сверхтекста и гипертекста (в разных его пониманиях), так и той лингвоконцептуальной реальности, которая стоит за ними. Тем более что в порождении, понимании и преобразовании текстов, в их синтезировании реализуются мыслительные операции, которые заложены в системе языка⁸. И в этом аспекте проблемы раскрытия словесно-концептуальной сущности сверхтекста, рассмотрения механизмов его функционирования в текстовой деятельности, описания процессов, обеспечивающих его «внутреннюю жизнь», в настоящий момент приобретают актуальный и дискуссионный характер. Таким образом, разработка гибкой дефиниции сверхтекста (в работах В. Н. Топорова сверхтекст определяется описательно), его типологии, соотнесение его со сходными и/или смежными с ним феноменами — гипертекстом, ансамблем, серией, циклом, решение вопроса о их разграничении, выяснении отношений между разного рода литературными инсталляциями — это, безусловно, насущные задачи текстологии.

В нашем понимании сверхтекст представляет собой ряд отмеченных направленной ассоциативно-смысловой общностью (в сферах автора, кода, контекста или адресата) автономных словесных текстов, которые в лингвокультурной практике актуально или потенциально предстают в качестве целостного, интегративного, диссипативного словесно-концептуального образования. Сверхтекст, таким образом, может квалифицироваться как составляющая ахронического лингвокультурного пространства, национальной текстовой концептосферы. Сверхтекст открыт для множества интерпретаций (количествен-

ный аспект), и потому для вариативных линейаризаций (качественный аспект) — т. е. для прочерчивания определенных смысловых траекторий в нелинейном словесно-смысловом пространстве, но в соответствии с принципом центрации, не противоречащим авторской концепции текста. В сверхтексте проявляются системные свойства каждого из входящих в него текстов, при этом в той или иной его составляющей (отдельном тексте, субтексте, подтексте) в той или иной мере находят отражение свойства целого — сверхтекста. Цельность, понимаемая как парадигматический феномен⁹, является конститутивным компонентом сверхтекста, обеспечивающим его концептуально-семантическую протяженность (итеративность) и коммуникативно-смысловую целостность. В сверхтексте проявление парадигм цельностей находится в зависимости от принципов его моделирования (интерпретации) — «внезаходимости» точки зрения интерпретатора; усматриваемой целостности; принципа контекстуальности; принципа релевантности/нерелевантности тех или иных контекстов; центрации актуализируемых и преактуализируемых смыслов и смысловых элементов.

Охарактеризуем принципы моделирования и интерпретации сверхтекста. В методологии науки понятие *принципа* как «части, содержащей объяснение других частей» (Э. Б. Кондильяк), является краеугольным. «Принцип организует материал с большей или меньшей мерой совершенства, — мотивирует, или осмысляет, целое, прокладываясь в его основание. <...> Организующая функция принципа состоит в создании естественных связей между фрагментами содержания. Дискурсивному характеру мысли соответствует дискретность пространства системы, которая остается в единстве замысла введением оптимальных связей между составляющими системы»¹⁰.

Предварительным условием моделирования сверхтекста является *профилированное* (в бартовском понимании) *прочтение*

ряда текстов, что некоторым образом должно очерчивать контуры потенциального сверхтекстового образования, определять горизонт его целостности. Иначе говоря, реальность сверхтекста как объекта моделирования обуславливается *принципом усматриваемой его целостности – презумпцией целостности*. Другим важным условием, непосредственно связанным с первым, является «внеаходимая» позиция, точка зрения интерпретатора сверхтекста, иначе – *принцип «внеаходимости»*. По словам М. М. Бахтина, «внеаходимость – необходимое условие для сведения к единому формально-эстетическому ценностному контексту различных контекстов...». Ср. также: «Два сопоставленных чужих высказывания, не знающих друг о друге, если только они хоть краешком касаются одной и той же темы (мысли), неизбежно вступают друг с другом в диалогические отношения. Они соприкасаются друг с другом на территории общей темы, общей мысли»¹¹, добавим – на территории *общего для них контекста*. Позиция «внеаходимости» позволяет устанавливать корреляции между моделируемыми авторской и читательской компетенциями, привлекая для решения этой задачи релевантную информацию из других, дополнительных источников, обращаясь к содержанию «вертикального контекста» (контекстам историческому, биографическому, культурологическому)¹² и погружая в него, соотнося с ним сверхтекст. В данном аспекте небезынтересным представляется постулируемое в синергетике положение, согласно которому рассматриваемая система подвергается «наложению» на нее внешних связей, своего рода «подведению» к ней вполне определенного количества энергии, при этом установление параметров порядка позволяет системе находить свою структуру, а их изменение обуславливает неустойчивость системы и в конечном итоге ее переход в новое состояние¹³. «Внеаходимая» позиция субъекта текстовой деятельности вкупе с его компетенцией, его интенциональными установ-

ками обеспечивает проекцию ассоциативно-смежных и/или подобных текстов, субтекстов, фрагментов (воспользуемся словами Р. Якобсона о поэтической речи) «с оси селекции на ось комбинации»¹⁴ и предугадывает модус их осмысления и интерпретации в рамках *контекста* целостного образования. Селекция в данном случае подразумевает выбор текстов на основе их усматриваемой общности, а комбинация – их пространственное, вневременное распределение относительно друг друга. «Внеаходимость» как фактор моделирования сверхтекста определяет значимость для его складывания и функционирования таких внешних типологических признаков интегрируемых текстов, как их принадлежность тому или иному автору (авторам), их предназначенность конкретному адресату, отнесенность к тому или иному жанру, соотнесенность с определенным референтом (событием, ситуацией, именем, локусом). Данные признаки могут стать содержательно-формальными критериями для определения сверхтекстовой разновидности – авторской, тематической (локальной, именной) и т. д.

Принципы «внеаходимости» интерпретатора сверхтекста и усматриваемой целостности сверхтекста более связаны с внешними факторами обнаружения в культурно-языковом пространстве сверхтекстов и их бытованием, с выбором определенной стратегии их интерпретации. Что касается принципов, обуславливающих специфику «внутренней жизни» сверхтекста, то их составляют принципы *нелинейности, контекстуальности, центрации актуализируемых смыслов*.

С точки зрения феноменологии (Э. Гуссерль, М. Хайдеггер и др.), «бытие контекста заключается в вырисовывании интерпретируемого элемента, и контекст порождается всякий раз как контекст чего-то. Контекст есть манера текстуальной рефлексии, в которой мы узнаем некое текстуальное бытие-при, некую интенциональность. Контекст всегда направлен на что-

то. Контекстуальность как стратегия объяснения и понимания есть форма рефлексии текста и ее сущностное устройство»¹⁵. С рефлексией связан и смыслоразвивающий потенциал текста¹⁶. Контекст проясняет контуры той самой ситуации общения «культур-личностей» через «произведение», — общения, которое «не непосредственно, но — акт воли, разума, углубления в себя»¹⁷. Для отмеченной некоей смысловой общностью совокупности (целокупности) текстов — сверхтекстов представляется справедливым следующее выдвинутое Г. В. Колшанским положение: «интерпретатор считает текст с позиции некоего лица дескриптивно когерентным, если он в состоянии поставить в соответствие этому тексту определенный коррелят, являющийся целостным с точки зрения этого лица. Коррелят понимается как фрагмент мира, который интерпретатор приписывает интерпретируемому тексту»¹⁸.

Презумпция целостности сверхтекста, являясь результатом профилированного прочтения ряда текстов, устраняет необходимость учета линейности текста, порядка их следования, иначе говоря, определяет содержание принципа нелинейного прочтения текста — принципа *нелинейности*. Это значит, что в нелинейное, многомерное, семантически диссипативное, открытое пространство сверхтекста можно войти через любой его отмеченный цельностью архитектурный компонент, через любой составляющий его текст, как и любую цельную составляющую последнего, ибо целое сверхтекста отражается в каждой его части, а каждая его часть, обладая свойством свернутости или фрагментарности относительно целого, репрезентирует с той или иной степенью отчетливости свойства целого. Считается, что акцентирование определенного признака у компонента системы или привнесение нового элемента в его структуру обуславливает появление их и у других компонентов системы. Думается, что условие «внезаходимости», интенциональной направленности субъекта на

ряд интегрируемых в целостное образование текстов, принципы контекстуальности и нелинейности вполне согласуются с теоретической точки зрения с приведенными выше характеристиками сверхтекста, выделенными В. Н. Топоровым.

Природа сверхтекста диссипативна, его структура открыта, многомерна и подвижна, он не имеет четко заданных смысловых границ, что актуализирует значимость для его моделирования *принципа релевантности/нерелевантности тех или иных контекстов*. Этот принцип обеспечивает потенциальную множественность интерпретаций, отнюдь не разрушая при этом целостности текстов-составляющих, напротив, позволяя конституировать новую, пусть и не жесткую целостность, которая проявляется на метауровне — в одном из модусов бытия сверхтекстовой системы. А. Шюц пишет: «изменение моей наличной цели, связанной с ней системой релевантностей, сдвиг «контекста», в котором выступает для меня S , может побудить меня обратиться к предикату q , а то, что S есть также и p — теперь для меня иррелевантно»¹⁹.

Таким образом, принцип усматриваемой целостности сверхтекста вовсе не ограничивает свободы интерпретатора в целеполагании, напротив, данный принцип подразумевает, что интерпретатор сверхтекста волен исходить из тех или иных ценностно-смысловых установок (порождающего начала системности, параметров порядка), которые, однако, не должны противоречить авторской концепции. Эти установки обеспечивают проявление контура цельного релевантного фрагмента смысловой структуры сверхтекста (или их фрагментов), выдвигание того или иного его компонента (текста, фрагмента, ключевого слова-образа) на роль доминирующего, иначе — центрирующего, направляющего актуализационные (смыслопорождающие) процессы в единое русло. В связи с обсуждаемым вопросом уместным будет сослаться и на мысль Л. Женни о том, что трансформация и ассимиляция множества тек-

стов осуществляется «центрирующим текстом, смысл которого оказывается главенствующим»²⁰. Надо думать, что заданное центрирующим смысловым компонентом направление для ассоциирования, активизации соответствующих когнитивно-эмотивных и ценностных структур скажется во внутреннем пространстве сверхтекста в содержании релевантных словесных (семантических) рядов, их связях с иными «цельностями» (Л. В. Сахарный), создаст представление о конфигурации смысловых связей относительно «оси» — максимальной смысловой установки. Тем самым определяется содержание принципа *смысловой центрации* — выдвигения в качестве приоритетных тех или иных смысловых установок, цельностей, которые определяют специфику «внутренней жизни» сверхтекста, позволяя его системе «находить свою структуру» (Г. Хакен). Соответственно, под «*внутренней жизнью*» сверхтекста мы понимаем процессы семантического взаимодействия его разнородных контактных или дистантных текстуальных компонентов, процессы смыслового обмена, транспонирования, коннотативно-смысловой иррадиации, интродекции объективных смыслов и смысловых элементов из актуализированных (предъявленных контролю сознания) и преактуализированных сфер концептов²¹. Преактуализация в данном случае предполагает активирование ассоциативных связей в смысловом поле актуализированных компонентов определенных концептов, обуславливающее смысловые импликации, создание коннотативно-смыслового фона.

Каждый из текстов, komponующих сверхтекст, теми или иными своими единицами, прямо или опосредованно, целно или фрагментарно, в силу активизации когнитивной среды, многомерной событийной структуры²², своей концептосферы, соучаствует в непосредственно текущей жизни другого, *направленно* воспроизводясь и актуализируясь в нем, воскрешая, порождая и сгущая смыслы, обеспечивая

их взаимопроектию, создавая условия для возникновения множественности интерпретаций. Уместно вспомнить, что «отец герменевтики и ее основоположник Блаженный Августин (354–430) писал, что Новый Завет сокрыт в Старом, а Старый раскрывается в Новом»²³.

Для теории сверхтекста принципиальное значение имеет получившее экспериментальное подтверждение в когнитивных исследованиях (У. Кинч, Э. Мросс)²⁴ положение о том, что в процессе восприятия текста активизируется большая часть парадигмы значений встретившегося полисеманта (а то и вся). Можно полагать, что неактуальные значения и смыслы создают своего рода ассоциативно-коннотативный фон, вызывая шлейф «мерцающих» смыслов, что для художественного текста имеет первостепенную значимость. В сверхтексте многозначность (полифония) таких единиц под воздействием единиц, направленно ассоциируемых из сопредельных текстов, будет экстенсивироваться, а сами процессы, приводящие к сгущению актуального семантического и смыслового содержания, охватываемого той или иной текстуальной единицей (образом), будут проходить более интенсивно. Слова-образы, редуцируясь в рамках сверхтекста, актуально сохраняют память о своих контекстных значениях и, следовательно, способны транспонировать цельность, тем самым устанавливая между отдельными текстами воспринимаемые читателем ассоциативно-смысловые связи и создавая условия для реализации смысловых инференций.

Так, например, в авторском поэтическом сверхтексте Г. В. Адамовича такими центрирующими словесно-концептуальными единицами являются те, которые представляют в его текстах одну из его «немногих и продуманных тем» — петербургскую, легшую в основу знаменитой «парижской ноты»²⁵. Точнее было бы сказать — тему России, дома, окрашенную в ностальгические тона и претворенную в освещен-

ных традицией образах *холода*; *немыслимо морозного, невидимого, белого, синего, прозрачно-синего, бесконечного, низкого, чистого, стотысячезвездного, холодного неба, небосвода*; *тускло-дымчатых, последних облаков*; *белых туч, низких круч*; *большой, размытой дороги*; *черных откосов*; *белого, тяжелого снега*; *тонкого, белого льда*; *райского инея*; *глубокого тумана*; *сухого, порывистого, ледящего ветра*; *морозной предутренней мглы*; *вечного, божественного, безначального, немеркнущего, обманчиво-глубокого, белого, бесконечного, слабого, далекого, тихого света*; *поля*; *сосны*; *избы под березой, ручьев, убогих русских сел, дребезжащей телеги*. Эта тема пронизывает и сцепляет в единый сверхтекст все поэтические творения Адамовича, подчиняя своим настойчивым молитвенным звучанием, «музыкой глухой», своим «тихим светом» и щемящую печаль, и вопросительно-лирические сомнения, и тревоги, и мучения, и безотчетную к ней, России, любовь: *Когда мы в Россию вернемся... о, Гамлет восточный, когда? — // Пешком, по размытым дорогам, в стоградусные холода, // Без всяких коней и триумфов, без всяких там кликов, пешком, // Но только наверное знать бы, что вовремя мы добредем...*²⁶. В сверхтексте поэта слово *холод* оказывается сопряженным преимущественно с положительными эмоциями-оценками, с «обобщенно-вечными смыслами» (Д. С. Лихачев): *И в высоте немыслимо морозной, // В сияющей, слепящей вышине // Лик неизменный, милосердный, грозный, // В младенчестве склонявшийся ко мне!* — выражает чувство тоски по Родине, представляет ценности высокого, духовного плана. Примечательно, что именно в данном ценностном аспекте *холод* контрастно противопоставляется *теплу*, тем самым в текстах поэта овеществляется исполненная глубочайших философских смыслов оппозиция «свой/чужой». Так, например, это происходит в стихотворении «Когда мы в Россию вернемся...». Там, в России: *сквозь белые стены, в морозной предутренней мгле // Колюшатся тонкие свечи в морозном и спя-*

щем Кремле. Здесь же, на чужбине: *слишком пахнет эфиром, и душно и слишком тепло*. А при осмыслении стихотворения «Холодно. Низкие кручи...», его инициального и ключевого слова *холодно* смыслы, стоящие за актуальным употреблением его и его ассоциатов в других текстах поэта, написанных в разное время, с той или иной степенью отчетливости должны преактуализироваться и проявить себя, создавая особую ценностную ауру тексту. Более того, в самом тексте станет более рельефной концептуально-смысловая связь между словом *холодно* и сопрягаемыми друг с другом образами *мертвого края* и *мерзлого рая*: *Господи, и, умирая, // Через полвека едва ль // Этого мертвого края, // Этого мерзлого рая // Я забуду печаль*.

Исследователи поэтического языка отмечают следующую закономерность: у многих поэтов «варьирующиеся образы складываются в своего рода блоки, которые, в свою очередь, варьируясь, связывают серию стихотворений, рассеянных по всему творчеству»²⁷. Надо думать, что образные блоки, о которых пишет Н. А. Коженикова, представляют собой те самые цельности, которые, редуцируясь, конституируют сверхтекстовое единство. Так, благодаря им, в поэтических текстах Адамовича, осмысляемых в рамках единого цельного сверхтекста, один текст или тот или иной его фрагмент направленно проецируется в другой, а смысловая структура каждого из таких сквозных образов становится внутренне подвижной, образ концептуализируется, обретает или активизирует «память», становится способным приносить в текст уже объективированные в сверхтексте смыслы. Но поскольку сверхтекст Адамовича, в силу традиционного характера его образной системы, прочно связан многочисленными нитями с произведениями русской литературы, то это в еще большей степени обеспечивает каждой его текстовой составляющей образно-смысловую многомерность, направленную ассоциативность, плотную реминисцентность.

При описании внутреннего пространства сверхтекста резонно различать процессы смыслопорождения, которые осуществляются на основе, с одной стороны, центростремительных, межтекстовых, связей (в рамках сверхтекста) и, с другой — центробежных, интертекстуальных, связей, сориентированных в сферу смыслов тех текстов и контекстов, которые находятся вне сверхтекста, но в пределах актуальной части текстовой концептосферы, и, будучи актуализированными, интросцируются в текст. Благодаря первым происходит стяжение текстов в едино-цельную конструкцию, благодаря вторым очерчиваются контуры «вписанности» сверхтекста в релевантном для него пространстве текстовой концептосферы. Поскольку сверхтекст повторяет свойства своих составляющих — текстов, постольку отдельному тексту, рассматриваемому в горизонте обнаруживаемых сродственных ему других текстов, в горизонте явленной, осознанной целостности сверхтекста, может быть приписан статус потенциально-«свернутого» сверхтекста.

Обозначенный подход к целостности сверхтекста предполагает, что интегрируемые им тексты предстают носителями его признаков, свойств, однако центрирующее основание может или привноситься креатором извне (например, им могут стать те или иные факты биографии автора, мета-тема, метасюжет и пр.) или/и усматриваться внутри сверхтекста, в той или иной его составляющей, а далее быть прослеженным во всех других составляющих с установлением релевантной референции к актуализи-

рованным фрагментам воссоздаваемой реальности.

Каждый из характеризуемых целостно-смыслонесущих компонентов-интегрантов сверхтекста, в силу действия принципа центрации и в силу своих собственных «проективных» свойств, может участвовать в обнаружении его ассоциативно-вербальной сети, актуализации и порождении смыслов и, следовательно, в конституировании целостности сверхтекста. Роль компонента или компонентов, направляющих, центрирующих смыслопорождение, могут выполнять наиболее значимые для интегрируемых в сверхтекст текстов словесно-концептуальные (метаконцептуальные) единицы, представляющие особенности ценностной текстовой системы, например, имя автора, различного рода метатексты, заглавие книги, рукописи, журнала, подборки, цикла и пр., различные прагматически ориентированные эпитексты (предисловие, послесловие, преамбула, эпиграф и др.), ключевые слова-образы. Обнаружение диссипативной структуры сверхтекста, ее упорядочивание вследствие усматриваемой его целостности есть способ проявления его сущности и, следовательно, возможности ее постижения, осмысления. Будучи диссипативным концептуально-семантическим образованием, сверхтекст, как и личность его рецептора, постоянно пребывает в процессе развития, становления, обнаружения новых смыслов и новых ассоциативных соотношений между текстуальными компонентами (цельностями), рассредоточенными в его многомерном пространстве.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Топоров В. Н.* Поэтика Достоевского и архаичные схемы мифологического мышления («Преступление и наказание» / В. Н. Топоров // *Structure of texts and semiotics of culture*. — The Hague; Paris: R., 1973. — P. 460—482; *Топоров, В. Н.* Петербург и петербургский текст русской литературы: Введение в тему / В. Н. Топоров // *Труды по знаковым системам*. — Тартуский ун-т, 1984. — С. 4—29. — Вып. 18; *Топоров, В. Н.* Петербургский текст русской литературы: Избранные труды / В. Н. Топоров. — СПб.: Искусство, 2003.

² Пумпянский Л. В. Поэзия Ф. И. Тютчева // Пумпянский Л. В. Классическая традиция: Собрание трудов по истории русской литературы. — М.: Языки русской культуры, 2000. — С. 220–256. — (Язык. Семиотика. Культура). — С. 227, 230, 250, 253.

³ Гуковский Г. А. О стадиальности истории литературы / Подготовка текста, комментарии, вступ. Статья Д. В. Устинова / Г. А. Гуковский // Новое литературное обозрение. — № 55. — 2002. — № 3. — С. 106–131. — С. 114, 110, 111.

⁴ См., например: Брауда Н. Система образов в супертексте рассказов К. Паустовского / Н. Брауда // К. Г. Паустовский. Материалы и сообщения / Комитет по культуре Москвы. Московский литературный музей-центр К. Г. Паустовского. — Вып. 2. — М., 2002. — С. 288–298.

⁵ См., например: Дедова О. В. О гипертекстах: «книжных» и электронных / О. В. Дедова // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. — 2003. — № 3. — С. 106–109.

⁶ См.: Лошаков А. Г. Сверхтекст как словесно-концептуальный феномен: Монография / А. Г. Лошаков. — Архангельск: Поморский университет, 2007. — С. 123–148.

⁷ Эпштейн М. От модернизма к постмодернизму: Диалектика «гипер» в культуре XX века / М. Эпштейн // Новое литературное обозрение. — 1995. — № 16. — С. 34.

⁸ См. об этом, в частности, работы: Мурзин Л. Н. Деривация в синхронном и диахронном аспектах / Л. Н. Мурзин // Деривация и история языка: Межвуз. сб. науч. трудов. — Пермь: Перм. ун-т, 1987. — С. 4–10; Мурзин Л. Н., Штерн А. С. Текст и его восприятие / Л. Н. Мурзин, А. С. Штерн. — Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1991; Алексеева Л. М. Теоретическое наследие Л. Н. Мурзина / Л. М. Алексеева // Актуальные проблемы современной лингвистики: Сб. материалов междунар. науч.-практич. конфер. «Иностранные языки и литературы в системе регионального высшего образования и науки» (12 апреля 2006 г.), посвящ. 90-летию Перм. гос. ун-та; Отв. ред. Н. С. Бочкарева. — Пермь: Перм. ун-т, 2006. — С. 8–18.

⁹ Сахарный Л. В. Тексты-примитивы и закономерности их порождения / Л. В. Сахарный // Человеческий фактор в языке: язык и порождение речи. — М.: Наука, 1991. — С. 221–237; Лошаков А. Г. Цельность как фактор моделирования сверхтекста / А. Г. Лошаков // Лингвистика и межкультурная коммуникация: Сб. науч. статей. — Вып. 2. / Отв. ред. Л. В. Чалова. — Архангельск: Поморский ун-т, 2006. — С. 6–11.

¹⁰ Аветян Э. Г. Семиотика и лингвистика / Э. Г. Аветян. — Ереван: Изд-во Ереванского ун-та, 1989. — С. 157, 159.

¹¹ Бахтин М. М. Автор и герой: К философским основам гуманитарных наук / М. М. Бахтин. — СПб.: Азбука, 2000. — С. 13, 41, 313.

¹² О типах контекстов и их значении для филологического анализа текста см.: Есин А. Б. Принципы и приемы анализа литературного произведения: Учеб. пособие / А. Б. Есин. — М.: Флинта; Наука, 1998. — С. 230–240; Болотнова Н. С. Филологический анализ текста: Учеб. пособие / Н. С. Болотнова. — 3-е изд. — М.: Флинта; Наука, 2007. — С. 449–450.

¹³ Хакен Г. Информация и самоорганизация. Макроскопический подход к сложным явлениям / Пер. Ю. А. Данилова / Г. Хакен. — М.: Мир, 1991.

¹⁴ Якобсон Р. О. Лингвистика и поэтика / Р. Якобсон // Структурализм: «за» и «против» / Под ред. Е. Я. Басина и М. Я. Полякова. — М., 1975. — С. 204.

¹⁵ Галушко Т. Г. Контекст, текст и гипертекст в свете некоторых идей постструктурализма / Т. Г. Галушко // Вестник Амурского гос. ун-та. Сер. Гуманитарные науки. — Благовещенск, 2000. — С. 2.

¹⁶ Арнольд И. В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность: Сб. ст. / И. В. Арнольд. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. — С. 386.

¹⁷ Библер В. С. От наукоучения — к логике культуры: Два философских введения в двадцать первый век / В. С. Библер. — М.: Политиздат, 1991. — С. 296.

¹⁸ Колшанский Г. В. Объективная картина мира в познании и языке / Г. В. Колшанский. — 2-е изд., доп. — М.: Едиториал УРСС, 2005. — С. 56–57.

¹⁹ Шюц А. Структура повседневного мышления / А. Шюц // Социологические исследования. — 1988. — № 2 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://remington.samara.ru/~philosophy/exlibbris/shutz.html>.

²⁰ Jenny L. La strategie de la forme / L. Jenny // Poetigue. — 1976. — № 27. — P. 262.

²¹ Ср.: *Мышкина Н. Л.* Внутренняя жизнь текста: механизмы, формы, характеристики / Н. Л. Мышкина. — Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 1998.

²² См. об этом: *Шабес В. Я.* Событие и текст / В. Я. Шабес. — М.: Высшая школа, 1989. — С. 155.

²³ *Арнольд И. В.* Указ. соч. — С. 398.

²⁴ *Касевич В. Б.* Семантика. Синтаксис. Морфология / В. Б. Касевич. — М.: Наука, 1988. — С. 18–19.

²⁵ *Крейд В. О Г. В. Адамовиче* / В. Крейд // Адамович Г. Одиночество и свобода. — М.: Республика, 1996. — С. 6.

²⁶ Здесь и далее тексты Г. В. Адамовича цит. по: *Адамович Г.* Одиночество и свобода. — М.: Республика, 1996. — С. 242–256.

²⁷ *Кожевникова Н. А.* Словоупотребление в русской поэзии начала XX века / Н. А. Кожевникова. — М.: Наука, 1986. — С. 74.